

Цзян Сюйбай даже проникся уважением к способности этого NPC врать не моргнув глазом.

— Ваше Величество, желаете спросить что-нибудь ещё?

— Сначала просто пройдемся.

Цзян Сюйбай повёл NPC бродить по всей лечебнице. То показывал на туалет и спрашивал, что это, то указывал на свалившийся с головы NPC парик и интересовался тем же самым. Даже увидев мусорную корзину, он непременно спрашивал: «А это что?» В конце концов NPC выглядел так, словно окончательно потерял волю к жизни.

Наконец они остановились на лестничной площадке. Цзян Сюйбай посмотрел на ступени, ведущие вниз, — к подвалу.

В глазах NPC мгновенно вспыхнула надежда.

«Спроси. Ну же, спроси!»

Однако Цзян Сюйбай долго молчал, и NPC в конце концов не выдержал.

— Ваше Величество, вам нечего спросить?

Цзян Сюйбай прекрасно понимал, чего тот ждёт.

В лечебнице нет подвала — значит, не должно быть и лестницы, ведущей вниз. Если Цзян Сюйбай спросит о ней, тем самым признает, что видит путь в подвал.

Стоит ему это произнести — он нарушит правило, и стоящий рядом NPC наверняка тут же попытается его сожрать. Цзян Сюйбай не боялся, но сейчас ещё не время было устраивать большую драку.

Он повернулся к NPC.

— Есть.

И под его выжидающим взглядом продолжил:

— Эта лестница...

С каждым словом глаза NPC раскрывались всё шире. Он неотрывно смотрел на Цзян Сюйбая.

— Эта лестница требует, чтобы мы собственными ногами по ней ходили? Похоже, здесь всё-таки следует провести серьёзный ремонт.

Услышав вторую половину фразы, NPC попросту завис. Он посмотрел на Цзян Сюйбая, и даже голос начал дрожать.

— Ваше Величество... больше ничего сказать не хотите?

Цзян Сюйбай покачал головой.

— Нет. Теперь сопровождай нас на третий этаж.

NPC: «SO?.. Он что, издевается надо мной?»

Сказать это вслух он не осмелился и лишь повёл Цзян Сюйбая дальше, на третий этаж.

Там почти никого не было. Лишь изредка мимо проходили врач или медсестра. В дверях не было окон, поэтому увидеть, что находится внутри, невозможно. Цзян Сюйбай ничего не спрашивал, просто сделал круг по этажу, а затем наугад указал на одну комнату.

— Для чего эта комната?

NPC покачал головой, всё с той же подбострастной улыбкой.

— Это... Ваше Величество, ваш слуга тоже не знает.

— Ты ведь всё время живёшь здесь. Почему не знаешь?

— Ваше Величество, всеми палатами на этом этаже управляет директор лечебницы. Нам никогда не позволяли вмешиваться, так что ваш слуга действительно не знает.

— Ладно.

Цзян Сюйбай махнул рукой.

— Мы — добрый и понимающий император, не будем тебя мучить.

Говоря это, он уже направлялся обратно на второй этаж.

— Мы устали и желаем отдохнуть. Можешь идти.

Услышав это, NPC словно сбросил с плеч гору. Он даже не смог удержать выражение лица: рот растянулся так широко, будто собирался рассечь голову пополам. Не задержавшись ни на секунду, он развернулся и помчался прочь, вскоре исчезнув из виду.

Цзян Сюйбай: «Я что, настолько страшное чудовище?»

— Какая невоспитанность. Даже не попросил позволения удалиться.

Поворачивая ещё немного, Цзян Сюйбай неспешно вернулся в свою палату.

Когда он исчез внутри, люди, прятаясь и тайком наблюдавшие за ним, наконец высунулись из укрытий.

Две девушки из соседних палат посмотрели друг на друга. В глазах обеих читалось одинаковое потрясение.

— Это... так выглядит настоящий профи?

Одна из девушек произнесла это дрожащим голосом. Вторая была примерно её ровесницей.

— У профи настолько... своеобразный стиль прохождения?

В это время по лестнице как раз поднялся Лэн Етин. Услышав их разговор, он презрительно фыркнул.

Девушки повернулись на звук, а Лэн Етин ещё выше задрал голову.

— Чего смотрите? Всё, что он делал, — только чтобы привлечь моё внимание.

На лицах обеих появилось то самое выражение дедушки из метро, уставившегося в телефон.

— погоди, а ты вообще кто такой, чтобы он привлекал твоё внимание? Чем именно? Тем, что ты урод и жаба, мечтающая о лебеде? Или ростом метр семьдесят, тщеславием метр девяносто и мозгом, которого вообще не видно? Больной!

Девушка закатила глаза, с грохотом захлопнула дверь и вернулась в палату.

Вторая тоже закатила глаза, бросила «больной» и ушла следом.

Лэн Етин за дверью от ярости даже рассмеялся.

— Ха. Неужели моё обаяние уже настолько велико? Столько людей хотят привлечь моё внимание. Любопытно.

Мимо проходила медсестра. Она взглянула на Лэн Етина, потом ещё несколько раз недоверчиво посмотрела и позвала стоявшего неподалёку врача.

— Доктор, у этого пациента, кажется, состояние ухудшилось.

Урон небольшой, зато унижение критическое.

Лэн Етин яростно уставился на медсестру.

— Я не болен.

— Ага-ага, конечно. Не болен.

Медсестра рассеянно кивнула.

Как бы Лэн Етин ни спорил и ни сопротивлялся, врач с медсестрой будто ничего не слышали. Вдвоём они утащили его обратно в палату.

Вскоре туда вошла медсестра со шприцем высотой в половину человека за спиной. И почти сразу весь коридор огласил отчаянный крик Лэн Етина.

В углу мелькнул край белой одежды. Настоящий виновник произошедшего скромно исчез, не оставив имени в истории.

В своей палате Цзян Сюйбай как раз размышлял, не наведаться ли ночью в несуществующие подвал и четвёртый этаж, когда крик оборвал его мысли.

Одновременно закончилось время свободного перемещения. Медсестра принесла две таблетки и снова заперла дверь.

Цзян Сюйбай мельком посмотрел на них и не придавал значения. Эти две таблетки до боли напоминали радужные драже, которые он ел в детстве; даже запах был такой же.

На этот раз лекарство полностью соответствовало правилам, поэтому он просто забросил таблетки в рот. Во рту разлилась лимонная кислинка — знакомый вкус. Точно конфеты.

Цзян Сюйбай тихо усмехнулся.

Делать было нечего, и он принялся внимательнее рассматривать комнату. Только тогда заметил в углу маленький книжный шкаф, где аккуратно стояло множество сборников сказок. Всё равно заняться было нечем, поэтому Цзян Сюйбай сел рядом и наугад достал одну книгу.

На страницах было множество пометок. Судя по всему, предыдущий хозяин читал её очень внимательно.

История Белоснежки: «Мою болезнь можно вылечить одним поцелуем?»

История Рапунцель: «Почему, если её постоянно держат взаперти, это всё равно называют любовью?»

«Красавица и чудовище»: «Любить человека нужно за то, какой он внутри».

Поначалу комментарии были вполне нормальными, но чем дальше Цзян Сюйбай листал, тем беспорядочнее становился почерк, а сами записи всё больше напоминали дневник.

«Кажется, в моей голове живёт другой человек.

Почему меня запирают? Я не болен. Я не сумасшедший.

Я не болен. Я не болен.

Выпустите меня. Выпустите меня.

Я больше его не вижу. И не могу его найти. Прошу вас, я уже здоров.

Я снова его вижу, но теперь могу только слышать его голос. Он стал таким слабым. Значит ли это, что я выздоравливаю?

Я больше не хочу принимать лекарства. Не хочу.

Я больше не слышу его голос. Я выздоровел. Выпустите меня. Скорее выпустите.

Хе-хе-хе. Я нашёл способ выбраться отсюда».

<http://bllate.org/book/20618/2061592>